

идеологических установок, сущность которых очень скоро обнаружилась в реакции на эти материалы со стороны издателей.

Повторилось нечто подобное тому, что имело место в 1769 г. в период знаменитой полемики между «Трутнем» и «Всякой всячиной». Только теперь полемика развернулась не между журналами, а внутри одного журнала. И кроме того, предметом полемики теперь стал не вопрос о прерогативах сатиры, а проблема языка как орудия убеждения и как средства художественной выразительности. То, что платформой для столкновения различных точек зрения стал один журнал, позволило редактору его, княгине Дашковой, и находившейся рядом с нею Екатерине контролировать ситуацию и направлять завязывавшиеся споры в нужное им русло. Наглядным примером такой редакционной политики стала публикация «вопросов» Фонвизина в 3-ей части «Собеседника», сатирический эффект которых был, конечно, существенно ослаблен в результате приложенных к ним «ответов» Екатерины II. Повторялись и отдельные приемы полемики — например, для нейтрализации аргументов противной стороны редакция прибегала к вышучиванию стиля оппонентов посредством пародии. Наглядный пример тому видим в явно мистифицированном письме от «неизвестного», обращенном к издателям Собеседника в 8-й части журнала (с. 152—155), в котором пародировался стиль вступительной части «Начертания о Российских сочинениях и Российском языке» Любослова.

Своеобразное программирование идеологической позиции журнала под видом решения языковых вопросов отчетливо проявилось с первых же номеров «Собеседника». В упоминавшемся уже письме из Звенигорода автор пишет, что благодаря журналу «язык Российской способон оной (книги. — Ю. С.) вычистится, слова прямые определятся и установятся; что сочинения русские размножатся...» (II, 8). И после вполне лояльных рассуждений о пользе сатирических сочинений, порицающих слабости и пороки, корреспондент просил издателей определить «прямой смысл названия честного человека», а также смысл слов «воспитание» и «благородство». Следовавшая далее статья, принадлежавшая, как указывалось в тексте, одному из издателей (по-видимому, Е. Р. Дашковой), выполняла пожелание Звенигородского корреспондента, обстоятельно и со знанием дела рассмотрев как с исторической, так и нравственно-педагогической точки зрения все аспекты значения слова *воспитание*. В сущности эта статья являлась выражением официальной позиции редакции журнала по всему комплексу вопросов, касавшихся нравственного, физического и светского воспитания молодых людей. Это была своеобразная программа подготовки нужных сословному обществу людей, пронизанная идеями патриотизма и утверждавшая культ дворянской этики, как его понимала княгиня Дашкова.¹⁴

¹⁴ «Просвещение в вельможе неисчетную пользу обществу приносит, поелику